

АЛЬБИНА НУРИ

ПЯТЫЙ НЕСПЯЩИЙ

За пределом реальности

Альбина Нури

Пятый неспящий

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нури А.

Пятый неспящий / А. Нури — «Автор», 2018 — (За пределом реальности)

ISBN 978-5-04-090321-4

Их семью нельзя назвать счастливой: Роза, у которой не складываются ни личная жизнь, ни карьера; ее мать, ударившаяся в религию; дед – писатель-неудачник, которому нет дела до остальных, и богатая высокомерная тетка, за счет которой они все живут, не смея сказать лишнего слова. Волею случая все четверо оказались запертыми в загородном особняке тетки. Дороги замело, никакой связи с внешним миром нет. После новогодней ночи обитатели дома начали понимать, что происходит нечто пугающее. Все они постепенно перестали спать, обнаружили, что поселок совершенно безлюден, да к тому же полнолуние необъяснимо затянулось, а за окнами и в комнатах каждую ночь стала появляться зловещая фигура в черном капюшоне...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090321-4

© Нури А., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	19
Глава пятая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Альбина Нури

Пятый неспящий

Пролог

К вечеру снова повалил снег. Казалось, что кто-то там, в вышине, просеивает муку сквозь крупное сито: с тускло-серого неба обильно сыпались пушистые белые хлопья, вблизи похожие на неряшливые комки ваты.

Человек медленной, неуверенной походкой приблизился к окну второго этажа, принялся вглядываться вдаль, почти вплотную прижавшись лицом к стеклу. Поселок лежал внизу – всё такой же тихий и безмолвный. Человек ясно видел его мысленным взором: аккуратные котеджи, выстроенные в разных стилях – в соответствии со вкусами и финансовыми возможностями хозяев; недостроенные дома, фонари, глухие заборы, деревья, гаражи...

Однако за сплошной стеной снегопада толком ничего разглядеть не удавалось.

Впрочем, это и не имело особого смысла.

Остаться в одиночестве в большом красивом доме – разве не этого хотелось? Не об этом страстно мечталось прежде?..

Теперь вот сбылось. Никого больше нет. Пропали пропадом, провалились в тартарары.

«Только я блуждаю по комнатам, как никому не нужная, неприкаянная, нелепая тень».

подавив вдох, человек отвернулся от окна, прошел вглубь комнаты и сел в кресло.

Кажется, Бернард Шоу советовал мечтать осторожнее – ведь мечты имеют обыкновение сбываться. Вот сбылось – и что сейчас с этим делать?

И назад ничего не вернешь. Этого еще никому не удавалось, как ни проси. Да и кого просить? У бога? Есть ли он вообще? А если и есть – разве услышит?

На комнату медленно напознала темнота. Совсем скоро она станет и вовсе непроглядной: двух шагов не сделаешь, чтобы не споткнуться. Прежде эта чернильная мгла пугала, тревожила, будоражила воображение. Но все чувства постепенно растаяли – ушли вместе с остальными обитателями дома.

Теперь остается лишь одно – ждать. Скоро, уже совсем скоро, наверное.

«А если нет? – ударила мысль. – Если это – навсегда, навечно? Если этот дом станет моей тюрьмой, моей могилой?»

Некому спасти. Никто не услышит.

Человек скорчился в кресле и прижал ладони к лицу в напрасной надежде защититься от неизбежного.

Глава первая

Первое января. Утро. Роза

Она проснулась, но долгое время лежала, не открывая глаз.

Главное – не думать ни о чем, не пытаться сосредоточиться, не ковыряться в памяти. Голова должна быть абсолютно пустой, сознание – свободным, тело – расслабленным. Вот единственно верный способ поскорее снова заснуть. Ни счет до ста, ни глупые овцы, прыгающие через веревочку, никогда ей не помогали. Да и никому не могли помочь, наверное.

Спать, спать, ну пожалуйста! Спать и не обращать внимания на то, как себя чувствуешь. Спусти какое-то время полегчает. Только так можно пережить похмелье – просто переспать его. Так всегда говорит Ленка – а уж она-то знает толк в таких вещах, будьте уверены. Что с чем смешивать, как закусывать, какими таблетками лечить неприличные болячки...

Непрошенная, незваная, Ленка беспардонно вторглась в ее мысли. Как и всегда, собственноручно. Сваливалась как снег на голову: не важно, утро или вечер, хотят ее видеть или нет, одна Роза или с... Вот уж нет! *Его* в свои мысли точно нельзя пускать! Иначе снова и снова примешься разматывать спутанный клубок, в который превратилась жизнь по *его* милости. Прокручивать в голове причинно-следственные или какие там еще бывают связи, зная, что все без толку. Результат всегда один и тот же: запутываешься еще сильнее.

Похоже, заснуть больше не удастся – пора с этим смириться. Она прислушалась к своим ощущениям. Господи, хуже просто не бывает! Во рту отвратительный кисловатый привкус, и зубы будто приклеились друг к другу. Разумеется, она их на ночь не почистила. К горлу подступила тошнота, Роза судорожно слотнула и попыталась сделать глубокий вдох. Голова немедленно отозвалась на это острой вспышкой боли, и девушка едва не застонала. В довершение всего ужасно, просто невыносимо хотелось в туалет.

В детстве мама постоянно внушала: ни в коем случае нельзя терпеть. А то мочевого пузыря разорвется, и ты умрешь в страшных мучениях, не успеют довезти до больницы. Если все же приходилось терпеть – на уроке, в музыкальной школе или в гостях, маленькая Роза тряслась от ужаса и ждала, что коварный пузырь вот-вот взорвется внутри нее и превратит внутренности в кровавую кашу.

Детство вообще было полно всевозможных запретов, нарушение которых грозило обернуться страшными болезнями или смертью.

Не ходи по холоду без шапки – заболеешь менингитом. Не гуляй по лесу в шортах – укусит клещ, начнется энцефалит и тебя парализует. Не трогай ржавые гвозди – обязательно поранишься, и ранка может быть такая маленькая, что не заметишь, но яд попадет в кровь, заболеешь столбняком. Не пей молоко из холодильника – начнется гнойная ангина. Не кусай губы – от этого бывает рак.

Розе не позволялось завести кошку, потому что это рассадник заразы: не лишай, так блохи, не блохи, так токсоплазмоз. Собаки тоже представляли опасность: в газете писали, как один пес внезапно взбесился и вцепился в лицо своему хозяину – маленькому мальчику. Ребенка едва спасли, но он на всю жизнь остался инвалидом с изуродованным лицом.

Нельзя красить волосы, мазать помадой губы, пользоваться тушью. Волосы выпадут, губы станут блеклыми, а ресницы – редкими и белесыми. Разумеется, нельзя курить, пить спиртное, целоваться с мальчиками...

Поначалу Роза верила матери на слово, но, подрастая, принялась подвергать многочисленные страшилки сомнению. Тем более что все вокруг только и делали, что заводили кошек, килограммами поглощали ледяное мороженое, а с мальчиками не только целовались, но делали еще много чего другого, явно не менее опасного.

Испытывая поначалу священный ужас, смешанный с шальным восторгом, Роза вдохновенно принялась нарушать материнские запреты. Кусала губы, валялась в шортах на траве и гладила соседских собак и кошек. Когда ничего страшного не случилось и она поняла, что не заболит и не помрет, пошла дальше. Матери, влияние которой становилось все более слабым, не удавалось остановить дочь.

Хотя, если уж по правде, в своем желании протестовать вовсе не обязательно было заходить настолько далеко.

А ведь мать не всегда была такой. Роза смутно помнила ее веселой, беззаботной, смешливой. Никаких параноидальных мыслей, никакого страха перед жизнью. Да и желания все контролировать вроде бы тоже прежде не было, главой семьи был папа. Но после смерти отца мать резко изменилась, сделалась другим человеком – и отношение к дочери тоже стало иным.

Но в одном мать точно была права: терпеть в самом деле вредно. Нужно вставать, ничего не поделаешь.

Роза осторожно разлепила склеившиеся от туши ресницы: макияж она, конечно, тоже с вечера не смыла. Медленно открыла глаза и обвела взглядом комнату. Стены затянуты сиреневым шелком с серебристым отливом. Светильники, пейзажи, статуи и массивные цветочные горшки по углам... Воплощение шика и вкуса, в представлении тети Риммы. Сбоку – туалетный столик с зеркалом в серебряной раме, в дальнем конце комнаты – огромное окно. Будь это ее дом и ее спальня, Роза ни за что не поставила бы кровать напротив него. Занавески не были задернуты, и яркий свет, который беспрепятственно лился в комнату, безжалостно полоснул по глазам. Она инстинктивно отвернулась. Это простое движение вызвало новую волну головной боли, и ее снова замутило. Девушка поспешно зажмурилась, переждала приступ и через некоторое время снова попыталась разомкнуть веки.

Вроде ничего, нормально. Нужно только быть аккуратнее и не делать резких движений. Стараясь двигаться плавно и осторожно, Роза приподнялась и села в кровати. Нашарила ногами тапочки, встала на ноги. Отлично, даже голова не слишком сильно кружится.

Настенные часы показывали начало девятого. Такая рань: можно спать да спать – сегодня даже не просто выходной, а первое января. Хотя какая разница, первое или десятое, если Роза теперь все равно не работает?..

Во сколько же она легла вчера? Оказалось, что все воспоминания о новогодней ночи стерты.

Странно, если подумать. Провалы в памяти после хорошей гулянки – такое с ней случалось, и не раз. Первый признак алкоголизма. Но переживать на эту тему она не собиралась: первая, вторая, последняя... Кому какая разница, что с ней случится? Ей самой, уж во всяком случае, точно по барабану.

Но ведь не сразу же она надралась, не прямо с восемнадцати ноль-ноль! А помнится только то, как вышла из этой самой комнаты около шести вечера. В котором часу они сели за стол? Какие телепередачи смотрели – и смотрели ли вообще? Выходили ли во двор? Запускали фейерверки, как собиралась, или так и просидели всю ночь за столом – напиваясь, упражняясь в остроумии, подкалывая друг друга, как обычно?..

Ни единой детали, ни малейшей зацепки. Как волной смыло – пустота, будто на пляже зимой.

Роза двинулась к двери. Она была в полупрозрачной ночнушке до колен. Удивительно, но платье снять все-таки сумела. Кстати, где оно? Со спинки кресла – сиренево-серебристая обивка, конечно же! – свисали лифчик и колготки. А вот и платье – откровенное, красное, вызвавшее дружное возмущение матери и тети Риммы. Нечасто они проявляли такое единодушие, как в этот раз, усмехнулась про себя Роза. Впрочем, если матери что и не нравилось, возражать тете Римме она редко отваживалась. А той всю жизнь было до лампочки любое мнение, кроме своего собственного.

Девушка двигалась по комнате аккуратно, плавно, как опытная танцовщица. Никаких лишних жестов, ноги переставляем осторожно, спину держим ровно. Голова будто стеклянная: от неловкого движения в любой момент может рассыпаться на миллионы осколков.

И зачем она опять столько выпила? Обещала же сама себе!..

Но если посчитать, сколько «честных слов» по разным поводам давала себе за свою двадцатишестилетнюю жизнь, страшно становится. Потому что слова остаются словами, а поставленные цели так и стоят – без движения.

Роза открыла дверь и выбралась в коридор. Дальше – комната матери, между ними – ванная. Еще в их крыле имеется так называемая гостевая, хотя никаких гостей тетя Римма никогда не принимала и в будущем делать этого не собиралась.

С другой стороны, кто они сами в этом громадном доме – и она, и мать, и дед? Кто, если не гости? Не особенно-то и желанные, надо думать.

Комнаты тети Риммы и дедушки – в другом крыле. Они еще больше по размеру, хотя и комната Розы очень даже немаленькая, во всяком случае, больше всей ее съемной малосемейки. Ну, вот опять... Так и лезут в ее несчастную больную голову мысли о прошлом. Если бы можно было взять и вычеркнуть их из памяти, как вчерашний вечер!

Толстый ковер заглушал шаги – и слава богу. Меньше всего ей сейчас хотелось потревожить мать. Она никогда особенно не жаждала общаться с родительницей, а уж в своем теперешнем состоянии – особенно.

Дверь ванной комнаты открылась с легким щелчком. «Может, душ принять?» – размышляла Роза, сидя на унитазе. Или лучше просто умыться, почистить зубы, чтобы убрать гадкий привкус, и отправиться досыпать? Часа два-три, и ей наверняка полегчает.

Наклонившись к раковине, она вдруг почувствовала острый приступ тошноты. Голова взорвалась болью, в глазах потемнело. Роза стояла, судорожно вцепившись в фарфоровые края, и ее мучительно рвало. Наверное, уже весь дом перебудила. Хотя тетка с дедом далеко, могут и не услышать, а вот мать точно проснется. Но теперь уже наплевать.

Спустя минут тридцать Роза вышла из ванной. Чувствовала она себя намного лучше. Избавившись от всего лишнего, измученный организм воспрял. Контрастный душ тоже пошел на пользу: голова уже почти не болела, лишь поматывало слегка от слабости, но это мелочи. Поваляться пару часов и...

Мать стояла на пороге своей комнаты, скрестив на груди руки, одетая в один из своих балахонов. На голове – повязанный на мусульманский манер светлый платок, в глазах – осуждение.

Роза почувствовала знакомое глухое раздражение, но решила ничего не говорить. Она была не в том состоянии, чтобы вступать в бессмысленные споры. Добраться бы до кровати.

В этом году матери исполнится сорок семь, но выглядит она намного моложе, несмотря на эти жуткие шмотки. Лицо чистое, свежее, черты тонкие, правильные, и морщин почти нет. Чувствуется порода, какое-то внутреннее благородство. Хотя откуда бы этому взяться – не дворянского они роду. Косметикой мать пользоваться перестала, и это ей только на пользу. Если честно, будь Роза на нее похожа, вообще бы никогда не красилась. Но она пошла в отца: черты крупные, немного простоватые, хотя и выразительные. Наведет красоту – прямо кинозвезда. А без краски выглядит блеклой, сливается с обоями, как однажды брякнула Ленка.

– Доброе утро, – проямлила Роза, – разбудила?

Мать отрицательно качнула головой.

– Я рано встаю, ты прекрасно знаешь.

– Пойду еще посплю, – сказала она, избегая смотреть на мать.

– Посплю... Скоро только и будешь способна, что есть, пить, спать... – Мать запнулась и поджала губы.

Роза перевела дыхание и попыталась пройти мимо, но мать вцепилась ей в локоть.

– Как можно напиваться, ты же девушка! Тебя сейчас вырвало, потому что твое тело уже не может принимать алкоголь!

– Но это мое тело и моя жизнь. Оставь меня в покое и дай пройти. Пожалуйста.

– Ты напилась и безобразничала, – не отступала мать, – позорище!

«Может, спросить у нее, что вчера было?»

– И что же я такого сделала? – осведомилась Роза.

В глазах матери промелькнуло что-то непонятное. Растерянность? Недоумение? Испуг? Она выпустила руку дочери и больше ничего не сказала. Повернулась и убралась восвояси. Коридор опустел – путь был свободен.

Роза усмехнулась, показала закрытой двери средний палец и пошла к себе.

Вскоре она уже крепко спала, но перед тем, как лечь, наглухо задернула шторы. Подойдя к окну, девушка увидела, что начался снегопад. Пушистые снежинки тихо кружились в безветренном воздухе, оседали на землю медленно и плавно.

Снег слой за слоем старательно укутывал поселок, сад, дорожки, гараж, клумбы, разлапистые ели вдалеке – и в этом было что-то неумолимое, неизбежное. Даже чуть-чуть пугающее.

Некоторое время она стояла и смотрела будто зачарованная. «Надо бы узнать прогноз погоды, – подумала Роза. – Если снегопад усилится или, чего доброго, начнется метель, все дороги заметет и в город не попадешь».

С другой стороны – что там делать? Кто ее ждет?

Мысль о том, чтобы застрять в этом месте до весны, дожидаясь, пока сойдет снег, поначалу показалась совершенно невыносимой, но потом вдруг стала странно притягательной. Быть может, это как раз то, что ей сейчас требуется: вынужденное заточение вдали от привычного круга, передышка, чтобы собраться с мыслями и все обдумать, решить, как жить дальше?

Ладно, об этом она подумает после. А пока – спать.

Глава вторая

Второе января. День. Румия

Четыре человека пообедали, и вроде не так уж много съели, а посуды – гора. Только успевай мыть и прибирать, снова и снова.

Что она им всем, прислуга? Намыливая губкой тарелки и вилки, Румия возмущалась больше по привычке, чем ощущая себя задетой по-настоящему. Уборка, мытье полов, стирка и раскладывание по полкам выглаженного белья – все это позволяло ей чувствовать себя нужной. Парадоксально и унижительно, но факт. Когда-то она была лучшей на курсе, одна-единственная в группе получила «красный» диплом. Сам профессор Дорофеев уговаривал ее пойти в аспирантуру. Ученая степень, карьера, надежды – все псу под хвост. И ради чего? Теперь только и остается, что драить этот дом и радоваться, если тетя Римма похвалит ее котлеты.

Нет, конечно, тетя никогда не позволяла себе ничего такого, никаких намеков и уж тем более прямых указаний. Не было такого, чтобы она сказала: я, мол, соержу вас всех, так будьте любезны, отработывайте свой хлеб! До такого унижения ни разу не дошло, хотя язык у тетушки, конечно, будь здоров. Так могла припечатать, только держись. Всю жизнь такая была – колкая, жесткая, циничная даже, поэтому, наверное, и в бизнесе настолько преуспела.

Всякий раз, когда Румия думала о тетке, ее охватывало двойственное чувство. Тетя Римма много сделала для неё самой и для ее отца, своего родного брата. Помогла вырастить Розу, поддержала их с дочкой, когда умер Сергей. Ни разу не отказала в деньгах. Это ее принцип: родственники есть родственники, какие бы они ни были. Кровь не водица. Требуется их обеспечивать, поддерживать, вытаскивать из неприятностей.

Румия была благодарна тете Римме – как же иначе? Но при этом ей всегда было неловко в присутствии этой женщины. Она ощущала себя лишней, неповоротливой, никчемной. Когда с тобой ни разу в жизни не посоветуются, не спросят твоего мнения, не поинтересуются суждением хоть по какому-то поводу, поневоле начинаешь чувствовать себя пятым колесом в телеге. И любви к тому, кто заставляет тебя сознавать свою бесполезность, это не прибавляет.

Нельзя так думать, поддаваться злым мыслям, подумалось ей. Вечно тетка заставляет брать грех на душу. Румия поправила платок, хотя в этом не было нужды: туго повязанный, сидел он идеально.

Вот что точно нужно сделать, так это заняться Розой. Так больше не может продолжаться. Она же просто губит себя, ломает собственную жизнь! Вчера утром выглядела – краше в гроб кладут. Будто не девушка двадцати шести, а бабища сильно за сорок. Нечесаная, лицо отекающее, глаз почти не видать – опухли. А ведь красивая же девочка, образованная, не глупая.

Румия попыталась пробудить в душе сочувствие к дочери, но ощутила только глухое раздражение. А если уж совсем честно, неприязнь. Как подумаешь, на что она когда-то пошла ради этой девчонки... Женщина вздохнула. Шла, шла и в итоге зашла в тупик. Здесь, в этом тупичке, тепло и сытно, и сил выбраться уже нет.

О чем она опять, о чем? Это ее путь, хвала Всевышнему!

Надо поверить, надо искренне в это поверить...

Румия выключила кран и принялась вытирать посуду.

Она уже закончила прибираться на кухне, когда зашел отец. Низкорослый и щуплый, седые волосы зачесаны назад. Пышные усы, полные, чуть вывернутые губы, в руке – неизменная книга или журнал. Глаза за стеклами очков кажутся большими и выпученными от удивления. Сам он считал, что похож на Максима Горького, но ей отец всегда напоминал премудрого пескаря с иллюстрации в школьном учебнике.

– Региночка, ты уже закончила? А я зашел спросить, ты не хочешь по саду прогуляться?

Голос у отца был звучный и хорошо поставленный, как у артиста. Непонятно, как такой голос помещался в его худосочной груди? Он словно достался Роберту Ринатовичу по ошибке. Много в отце, в его облике и самой жизни казалось ей нелепым. Хорошие черты, намерения, качества неизменно перекрывались странными поступками и абсурдными идеями.

– Прогуляться? Пап, там снег валит и...

– Ничего, не завалит! Воздух-то какой, а? За городом воздух хоть ножом режь и ложкой ешь. Не надышишься!

– И не зови меня Региной, – не обращая внимания на отцовские излияния, закончила Румия. – Ладно, тетя Римма – ее уж не переделаешь. Но тебя же я просила!

– Извини, извини, – смутился он. – Сложно кто-то, сама понимаешь. Мы с матерью тебя все-таки называли именно... А ведь...

– А ведь поменять имя на пятом десятке просто непристойно! – Перебила брата Римма Ринатовна, появляясь на пороге. – Я и от Регины была не в восторге, а уж Румия... Дичь какая-то, ей-богу.

И как у нее это получается – походя, парой слов выставить племянницу полной дурой!

– Тетя Римма, я, кажется, все вам объяснила...

– Ладно, не кипятись. Не до тебя сейчас. Слушайте, у вас телефоны работают?

– Не знаю, – быстро проговорил Роберт Ринатович. Сразу стало ясно, что врет. Только зачем?

Румия еще утром обнаружила, что ее сотовый сломан.

То, что здесь плохая связь – ловит только на втором этаже, и то редко – она всегда знала. И с Интернетом тоже беда. Тетя Римма запросто могла бы провести линию – нужно было заплатить немногим больше двадцати тысяч, для нее это не сумма. Она построила этот дом и переехала в него еще в конце весны, но почему-то не пожелала наладить связь с цивилизацией. Телевизор показывал всего шесть каналов, сотовый работал через пень-колоду, Интернета и стационарного телефона не было, но Римму Ринатовну это не волновало. А они с отцом разве могли возмущаться? Или диктовать ей что-либо?

Хотя, если честно, отцу тоже было безразлично: он вечно погружен в себя, в литературу и в то, что называет своим творчеством. Звонков ни от кого никогда не ждал, компьютер для него такой же темный лес, как устройство космического корабля.

А ей-то самой зачем все эти примочки? Интернет, телефон... Какие весточки из внешнего мира она надеялась получить? Какие фильмы или передачи хотела посмотреть?

Вера – вот то главное, что должно было придавать ей сил и представлять интерес. Все окружающие думали, что так и есть – она упорно старалась внушить им это. Но сама не была ни в чем уверена. Это и пугало.

Румия привычно одернула себя и еще раз попробовала включить мобильник. Пусть связи нет, но работать-то он должен. Может, разрядился?

Она подключила зарядник, подождала несколько минут, но ничего не произошло. Сотовый не проявлял признаков жизни. Румия беспомощно повертела его в руках и убрала в тумбочку возле кровати. Видимо, сломался.

В новогоднюю ночь, вернее, вечером, мобильник еще работал. Три человека вспомнили о ее существовании и поздравили с праздником. Двое были коллегами по работе – скорее всего, ее номер просто оказался в смс-рассылке. Безликие слова, которые можно адресовать кому угодно: мужчине или женщине, ребенку или старику. Счастья в новом году, здоровья, исполнения желаний... Стандартный набор. Настолько стандартный, что его стыдно и получать, и отправлять. Неужели люди так равнодушны к мнению всех остальных, что можно перебрасываться подобными банальностями и считать это проявлением вежливости?

Третье поздравление и вовсе залетело к ней по ошибке. Никто, никто на всем белом свете не мог назвать ее «котеночком» и желать всегда быть рядом и гладить ее пушистую шерстку.

Она удалила игривое пошловатое послание и выключила телефон. А утром, спустя несколько часов, он не включился.

Румия помнила, как оставила мобильник в комнате, посмотрела на себя в зеркало и вышла из комнаты. Было около шести часов.

Шесть часов... Странно, но она не помнила ничего из того, что было после этой отметки. Разумеется, она не выпила ни грамма спиртного: не пила уже два года, да и прежде не слишком-то увлекалась. Но чем тогда объяснить этот провал в памяти?

Вот она закрывает дверь, идет по коридору... Из комнаты Розы слышится музыка – назойливая, безвкусная. Слышно, как девчонка подпевает вполголоса мяукающим голоском. Видимо, вертится перед зеркалом, одевается. Если бы можно было заставить ее снять это кошмарное платье! Когда все они спустились в гостиную, Румия чуть в обморок не упала, увидев, во что вырядилась дочурка. И тете тоже пришлось не по вкусу ее наряд. Но они обе промолчали.

Роза даже не пыталась пригасить победный блеск в глазах. Так, мол, вам и надо! Поглядите, убедитесь, что ваше мнение для меня ровно ничего не значит! Буду делать, что в голову взбредет!

Кому она хочет сделать больно? Кого пытается уколоть? Римме, по большому счету, все равно – и всегда было все равно. Деду – тем более. Ей, как матери, конечно, обидно, но не за себя, а за дочку, которая неизвестно кому и что, непонятно зачем пытается доказывать раз за разом. А в результате проваливается во что-то вязкое и гадкое, теряет себя и попусту растрчивает время и силы.

Итак, они все в сборе. Отец по такому случаю надел вельветовый костюм василькового цвета, тетка нацепила сапфировый комплект. Тяжелые серьги плавно покачивались в такт движениям, дорожущее кольцо переливалось на полной шее, синие камни мерцали хищно и загадочно. Роза косилась на это великолепие и пыталась делать вид, что ей без разницы, что она не любит драгоценности и не хотела бы присвоить теткины цацки, которые хранятся в сейфе, спрятанном в резном шкафчике.

Сама Румия была в праздничном мусульманском наряде, который выбрала специально для подобных случаев. Единственным украшением уже долгие годы было золотое обручальное кольцо. Ей, бывало, говорили, что вдовы должны носить его на среднем пальце, что так положено, но она не слушала.

Сергей давным-давно, будто в другой, почти забытой жизни, надел ей на безымянный палец это кольцо – и она не собиралась его снимать. Пожалуй, это был самый счастливый день в ее жизни. Ничего лучшего с ней уже не случится.

Их небольшая (и не сказать, чтобы дружная) компания была внизу, в гостиной. Тетя хотела, чтобы новогодний стол накрыли именно там, а не в столовой. Кое-какие блюда Румия уже успела поставить на стол и хотела попросить Розу помочь, когда...

Что-то произошло? Что?

– Регина! – Тетка смотрела с недоумением, слегка нахмурившись. – Ты что, уснула? Я спрашиваю, твой телефон в порядке?

Она вздрогнула и слегка потрясла головой.

– Простите. Нет. Я имею в виду, он не работает.

– Заряжать пробовала?

Румия кивнула.

– У меня тоже не включается. Что за черт? Помехи какие-то, что ли?

– Да бог с ними! Ну их совсем! Что нам, заняться нечем? Римма, я тут предложил Рег... дочке пройтись. Ты как, с нами?

Отец говорил суетливо, прятал глаза. Нервничает, подумала Румия. Но почему? Не из-за сломанного же телефона. Ему уж точно никто звонить не станет.

«Как и никому из нас».

Эта мысль неожиданно потрясла ее. Но ведь это правда. Никто не станет их искать, никому не может понадобиться их общество. Как так вышло, что все они, всей семьей, оказались на обочине, а нормальная, полновесная жизнь проходит где-то там, далеко, и не имеет к ним никакого отношения?

Когда это началось? Или всегда так было? Румия не могла понять. Впрочем, по отношению к тете Римме это было не совсем справедливо. Пока не продала свой бизнес, ее буквально рвали на части, минуты спокойной не было. А если сейчас ей никто не звонит, это сознательный выбор: не хочет, чтобы тревожили.

И тем не менее, тем не менее...

Сейчас, в эти самые мгновения, ей казалось, что на всей земле не отыщется других четверых людей, настолько оторванных от всего остального человечества. Настолько ненужных, бесполезных, неприкаянных и жалких в своей заброшенности существ.

Румия с шумом придвинула стул к столу.

– Иди и гуляй сам, папа, тебе все равно делать нечего!

Она резко стянула фартук и отшвырнула в сторону. Отец и тетка уставились на нее, на лицах застыло почти карикатурное удивление.

Стало стыдно: отец-то, бедолага, в чем виноват? Зачем она подчеркнула его неспособность к жизни? Это было жестко, раньше она никогда себе такого не позволяла. Что с ней творится сегодня?

– Извини, пап. Просто устала немного. Пойду прилягу.

Отец молча глядел на нее сквозь толстые стекла очков. Тетка тоже ничего не говорила, хотя обычно не упускала случая прокомментировать любое событие, фразу, поступок.

Румия еще немного постояла возле них, снова извинилась и почти бегом выбежала из кухни.

Глава третья

Третье января. Ночь. Роберт

Удивительно, но сегодня боли в спине почему-то было. Обычно она вгрызалась в поясницу около трех утра, и Роберт Ринатович привык просыпаться в это время. Засыпал он быстро и спал крепко, чаще всего в той самой позе, в которой ложился, на животе.

Проснувшись среди ночи, неуклюже поворачивался на бок, морщась и кряхтя от боли, потом вставал с кровати и делал небольшую разминку. Обычно боль успокаивалась: из острой, давящей, превращалась в тупую, тянущую. Роберт Ринатович выпивал воды из приготовленной с вечера пузатой кружки с прозрачными толстыми стенками, шел в туалет, если организм требовал, а потом ложился и вновь засыпал – теперь уже до утра.

Проблем со сном у него никогда не было. Машенька, его покойная жена, злилась на мужа за способность быстро, как по щелчку, засыпать даже после самой серьезной ссоры. Сама она подолгу лежала в темноте с открытыми глазами и мысленно продолжала разговаривать с мужем. Или тихо плакала в подушку, отвернувшись к стене. Если точнее, то поначалу плакала, потом стала клясть его на чем свет стоит, а после забрала Регину и ушла.

Машенька... Как ни ругались, как ни ненавидели друг друга – вернее, ненавидела она, были такие моменты, а он ежился под слепящим огнем ее ненависти – Роберт никогда не называл жену иначе. Ни Машей, ни Марией, ни Мусей, как ее звали подруги.

Они учились на одном курсе истфилфака. Поженились, едва закончив учебу. Машенька к тому времени была уже на третьем месяце. Позже, в пылу ссоры, она иногда попрекала его, что он женился только из жалости. Или с перепугу: опасался гнева ее родителей. Только это была неправда, и она сама это знала. Он сделал бы предложение в любом случае, потому что влюбился в нее с первого взгляда и продолжал любить всю жизнь. Любил, несмотря на множество других женщин, что проходили через его судьбу. Многие проходили и через постель – и Машенька почти всегда безошибочно узнавала об их появлении.

Роберт Ринатович ничего не мог с собой поделать – или ему хотелось думать, что не мог. Женщины были его слабостью. Однажды, рассказывая об этом сестре, он оговорился и сказал «сладостью», а потом понял, что никакая это не оговорка, а истина. Сладостью, именно сладостью. Алкоголем, наркотиком. При этом женщины всегда задевали его душу лишь на очень короткое время. Так, царапали по касательной, не оставляя следа.

Все, кроме Машеньки.

Его связи были безопасны для жены, для их брака. Он прекрасно сознавал это и никогда не делал попытки бросить семью. Но Машенька не желала понимать этого, не желала признавать, что можно смириться с таким положением вещей, как многие жены научаются мириться с мужьями-пьяницами, неряхами, игроками, тиранами....

Не желала и ушла.

Потом, правда, они снова были вместе – недолго, пока она не ушла снова. Уже навечно.

Если спина не болит, то отчего он тогда проснулся?

Роберт Ринатович повернул голову и посмотрел на электронные часы, стоявшие на ночном столике рядом с кружкой. Половина третьего ночи. Еще спать и спать, но сна ни в одном глазу. Он отбросил одеяло, которое вдруг показалось слишком тяжелым, и спустил ноги с кровати. Может, все-таки сделать разминку? Нет, не хочется.

Он подошел к окну. Снег, который валил два дня, к ночи прекратился. Тучи разошлись, уползли за горизонт, как поезда, и небо было ясным. Полная луна заливала округу безжизненным лимонным светом.

Стоя в теплой комнате, под надежной защитой кирпичных стен, отделенный от притихшей улицы тройным стеклопакетом, Роберт Ринатович внезапно задрожал. Ему стало не по

себе, и болезненно-желтая луна почему-то показалась лицом опасного сумасшедшего, который с бессмысленно-хитрой ухмылкой пялился на него с высоты.

Боже, какая чушь! Какая дичь! Он часто-часто поморгал, потер глаза рукой. Нужно попить водички и идти досыпать. Старик отвернулся от окна и побрел обратно к кровати.

Ровная полоса лунного света лежала на полу, как канава, и наступать на нее было неприятно. Жаль, что на окнах нет темных штор – они ему никогда не нравились, но сейчас он с удовольствием задернул бы их. Лучше полная темнота, чем это лунное безумие.

...Как, должно быть, страшно одинокому путнику заблудиться в такую ночь. Заблудиться на заброшенную дорогу, оказаться вдали от человеческого жилья... Снег предательски хрустит под ногами, и оборотень, которого луна уже заставила возжаждать горячей крови, чутко прислушивается и бросается преследовать несчастную жертву.

Вот несется он в немой ночи, и шерсть его топорщится на загривке, а с острых клыков капает слюна. Серой молнией мчится вервольф наперерез ничего не подозревающему путнику, который занят мыслями о том, как бы побыстрее добраться до дома, оказаться в уютной комнате, устроиться в кресле и протянуть руки к жаркому очагу.

Оборотень, который при дневном свете – обычный деревенский мужик, работяга и выпивоха, сейчас опьянен яростью. Вся прошлая жизнь скрыта от него, стерта из памяти до той поры, пока он, грязный, ободранный и трясущийся, с окровавленным ртом и сломанными ногтями, не придет утром в себя где-нибудь на лесной поляне.

Сейчас, этой ночью, оборотень бессильно, бессмысленно зол на себя, на свою проклятую природу, на мучительный голод, на ледяную луну – ох, попадись она ему, разорвал бы в клочья!

Тварь поднимает уродливую голову, упирается бешеным взором в ненавистный лунный шар и воем. Мелкие зверушки в страхе зарываются еще глубже в свои норы, а одинокий путник начинает дрожать не только от холода, но и от ужаса и прибавляет шаг. Напрасно!

Что такое лезет в голову? Оборотни, путники...

Роберт Ринатович торопливо выпил всю воду, что была в кружке, и направился в ванную. У него, как и у сестры, ванная примыкала к комнате: не было нужды выходить в коридор. Во рту чувствовался неприятный горьковатый привкус. Может, с водой что не так?

В туалет не хотелось. Старик поймал себя на мысли, что ему необходимо просто включить свет, сделать что-то обычное, нормальное, чтобы сбросить колдовское наваждение. Щелкнул выключатель, и электрический свет осветил большую душевую кабину, раковину, унитаз. Кафель ярко-синего цвета, хромированные краны, занавеска с яркими морскими рыбками – все было привычно, а значит – правильно.

Он поплескал в лицо холодной водой, поднял голову и поглядел на свое отражение в зеркале. Мешки под глазами бугрились, словно наполненные ватой. Усы уныло повисли, губы напряженно сжаты. Нос еще больше заострился и вылез вперед, как птичий клюв. Взгляд затравленный, как у давешнего выдуманного путника, и постоянно хочется оглянуться через плечо.

Что это с ним сегодня творится?

Роберт Ринатович открыл шкафчик над раковиной, приподнялся на цыпочки и нашарил на верхней полке коробочку с лекарствами. Все самое нужное – сердечное, обезболивающие пилюли – было под рукой, в прикроватной тумбочке. А здесь должно найтись то, что ему сейчас необходимо: валериана или пустырник. Что-то, способное успокоить звеневшие от напряжения нервы.

Плоские желтые таблеточки лежали на чуть подрагивающей ладони, пока он решал, сколько принять. Одну или две? Три, лучше три. Роберт Ринатович проглотил пилюли, выключил свет и вышел из ванной комнаты. Снова полумрак, снова лужица лунного света на полу.

Спать по-прежнему не хотелось. Он прислушался к себе: может, спуститься на кухню, сделать себе горячий бутерброд с сыром? Или выпить какао? В последнее время он полюбил

этот детский напиток, хотя раньше тот казался чему чересчур сладким. Верно говорят: старики – это те же дети.

Нет, ни есть, ни пить не хотелось, и он решил просто посидеть в кресле, подождать, пока сон придет к нему. Машенька говорила, нет ничего хуже, чем без сна лежать в кровати: чувствуешь себя приговоренным, который ждет смерти. Она-то хорошо знала, что такое бессонница.

Любимое кресло стояло в углу комнаты, далеко от окна, так что этой дикой луны отсюда видно не было. Старик потянулся к вязаной кофте, что висела на спинке кресла. Дом всегда хорошо протапливался, но Роберту Ринатовичу, тем не менее, нравилось кутаться в старую кофту, которую давным-давно связала Машенька.

Он натянул ее поверх пижамы и положил ногу на ногу. В былые годы любил спать голышом. Или, в крайнем случае, в трусах. Не признавал маек и кальсон. Но сейчас, когда ему уже исполнилось шестьдесят восемь, смотреть на собственное иссохшее, дряблое тело было неприятно.

В молодости Роберт гордился своей внешностью. Невысокий, но крепкий и жилистый, он обладал отличной спортивной фигурой. Симпатичное лицо, обаятельная улыбка, густые волосы... Куда все делось? Нос удлинился, губы нелепо выпучились, глаза потускнели, от пышной шевелюры остались одни воспоминания. Спина согнулась, а на лице и руках появились отвратительные коричневые пятна.

Когда ты молод, собственная старость кажется совершенно нереальной. Отмахиваешься от мыслей о ней, бежишь куда-то, вечно чего-то ждешь. Живешь день за днем и думаешь, что она никогда не наступит. А потом вдруг оказывается, что старость, эта сырая, злобная ведьма, уже успела незаметно, по-воровски, подкрасться к тебе и давно стоит за спиной, хихикая над твоей наивной самонадеянностью. Она смотрит на тебя из зеркала, стонет и ноет в костях и мышцах, мешает двигаться, лишает аппетита и замечательного умения громко хохотать над всякими глупостями.

Старость унизительна, но унизительна не сама по себе, подумалось ему. Она становится таковой, если ты одинок. Если никому не нужен и не важен. Если никому нет дела, как ты спал ночью, не болит ли твоя спина. У Роберта Ринатовича была сестра, а главное – были дочь и внучка, но он знал, что чужой для них всех.

В праздничный вечер он смотрел на Розу и не узнавал ее. Это кричащее платье, эта прическа с рванными прядями, клокочущий, горловой, неестественный смех. Она была несчастна – настолько, насколько может быть несчастна молодая женщина. Это бросалось в глаза. Розе хотелось затоптать, отторгнуть от себя свою жизнь, хотелось переделать что-то непоправимое, и вместе с тем казалось, что сделать уже ничего нельзя, все давно решено и выбрано за нее, и остается только терпеть.

Конечно, бедняжка одиока. Как и он, как и все они в этом красивом богатом доме, который слишком велик для них четверых. «Мы не люди, мы какие-то осколки», – подумал он и тут же поморщился от излишней патетичности этой фразы.

Конечно, он был никудышным дедом. И отцом тоже. А уж мужем – и того хуже. Поэтому теперь он ничего не может дать своим девочкам, и не имеет права ждать помощи от них.

Если кто всегда и помогал им, так это Римма.

У Роберта Ринатовича было такое чувство, что их жизни – его самого и сестры-двойняшки – двигались в противоположных направлениях. Роберт в юности был ярким, подающим надежды. Все кругом говорили, что у него большие способности и прекрасное будущее. Он был звездой на своем факультете, его стихи дважды напечатали в городской газете. Видный казанский литератор сказал о нем: «В этом юноше определенно видны зачатки большого таланта!» Роберт охотно поверил во все это – и восторженно ждал, когда предсказания начнут сбываться.

В мечтах он видел себя известным на всю страну писателем и работал вполсилы, потому что знал, что это временно. Писал стихи, крутил романы, пока жена работала и пыталась поддерживать огонь в пресловутом очаге.

Летел и летел куда-то, а потом оказалось, что позади уже целая жизнь, надежды так и остались надеждами, а Машеньку он потерял. И что дочь – непонятная ему, малознакомая худенькая девочка-подросток с недоверчивым взглядом шоколадно-карих глаз – совершенно в нем не нуждается.

Роберт Ринатович устроился в школу, до самой пенсии преподавал историю, толком не умея этого делать. Признания он ждал долго и безуспешно. Лишь однажды удача подала ему знак. Все-таки не зря прочили успех – видимо, какой-никакой талант и вправду был. Издательство средней руки вдруг заинтересовалось им и выпустило сборник его стихов. Роберту Ринатовичу даже выплатили гонорар и устроили презентацию, в конце которой несколько человек подошли к автору взять автограф. А известный в городе журналист написал благосклонную статью, переврав, правда, половину фактов.

Это придавало сил, позволяло жить и продолжать верить в себя. Если бы не эта книга, собственное существование казалось бы совсем уж беспросветным.

Роберт Ринатович вздохнул и поерзал в кресле. Часы показывали четверть пятого утра. Когда не спишь, время тянется и тянется. Он широко зевнул, да так и замер с открытым ртом.

Может, он сходит с ума? Или это следствие бессонницы? Ведь он никак не мог видеть того, что видел. Уютная кофта вдруг показалась неприятно-колючей. Ноги в пушистых тапочках заledenели. Старик наконец сумел закрыть рот и глубже вжался в кресло.

В желтой полосе лунного света, словно деревяшка на поверхности неглубокого пруда, лежала темная тень.

Силуэт – несомненно, человеческая фигура – был неподвижен, и в этой каменной неподвижности было что-то особенно пугающее. Кто-то бесшумно стоял за окном и заглядывал в комнату.

Роберт Ринатович часто задыхался. Если бы он сейчас лежал в кровати, то увидел бы, кто это. Увидел, и, возможно, это навсегда остановило бы его израненное прошлогодним инфарктом сердце. Желудок занял, боль отдавалась в левое плечо: все как в медицинских справочниках.

«Господи, а если снова?»

Он знал, что еще одного сердечного приступа ему не пережить.

А он был сейчас возможен, еще как возможен! Врачи говорили, следует избегать волнения и всяческих потрясений. Интересно, что сказал бы всезнающий, до тошноты мудрый Богдан Семенович, если бы сам сидел в эту минуту, вцепившись в ворот кофты, сжавшись в комок, в этой чертовой комнате? Наверняка, это потрясло бы его и взволновало. Потому что никто не смог бы вот так висеть в воздухе на высоте второго (кстати, очень высокого) этажа. Именно висеть, ведь за окном нет ни балкона, ни козырька – ничего, на что можно было бы опереться. Ничего, на чем можно так неподвижно стоять, как стояло это существо.

Ни один человек этого не сумел бы. Значит, это не человек.

Роберт Ринатович почувствовал, как волосы на его руках встали дыбом. Желудок снова ошпарило резкой болью, и он едва не вскрикнул, но удержал вопль внутри, испуганно стиснув челюсти. Ни за что на свете нельзя было допустить, чтобы его обнаружили. Лучше тихо загнуться от инфаркта прямо тут, в этом кресле, чем дать о себе знать тому, кто пришел за ним этой ночью.

Что-то нечеловеческое стояло за окном его комнаты, в двух шагах от него, и пялилось внутрь. Возможно, оно искало его, силилось разглядеть, где прячется глупый, беспомощный старик, чтобы...

«Оборотень, оборотень, господи, боженька помоги мне, это же оборотень!»

...чтобы прокусить его тощую старческую шею, с наслаждением вонзить глубоко в глотку свои искривленные зубы, вырвать трепещущее горло, заливая все кругом горячей алой кровью, а потом задрать кверху морду и огласить округу хриплым победным воем...

«Оно не сможет меня увидеть! Угол комнаты нельзя разглядеть с того места, где стоит это существо!»

Мысль вспорхнула и тут же пропала: если оно способно висеть в морозном воздухе, то наверняка способно и видеть сквозь стены. Если не видеть, так чують. Чувствовать кислый запах его страха.

Роберт Ринатович зажмурился и прижал ладони к лицу. Сейчас, в эту самую минуту послышится звон разбитого стекла, тварь тяжело прыгнет на подоконник, затем на пол и, без-ошибочно ориентируясь в темноте, ринется к нему и...

И внезапно его осенило. Никакой это не оборотень – вервольфов не бывает. Это сама смерть – реальная, могущественная. Вечная, как луна, холодная, как снег за окном. Смерть пришла за ним. Должно быть, так всегда и бывает, только рассказать про то некому. Свидетели неизменно оказываются мертвы.

Поутру сердитая Римма постучит в его дверь, не дождавшись к завтраку, шагнет в комнату своей командирской поступью и увидит в кресле скорченную фигуру.

Выходит, это конец. Странно, но на душе стало как-то спокойнее. Что ж, пожил он достаточно – пора и честь знать. Его смерть никого не сделает несчастным. Наверное, так и в самом деле будет лучше.

А самое главное, он наконец-то увидит свою Машеньку. Он слишком часто и слишком надолго оставлял ее одну.

Роберт Ринатович медленно отнял руки от лица, уверенный, что темная фигура уже в комнате, стоит прямо перед ним.

Однако рядом никого не было. И за окном – тоже. Существо – кем бы оно на самом деле ни было – исчезло.

Старик сидел, едва дыша, покрытый противным липким потом. Сердце колотилось, как пойманная в силки зверушка, но боли больше не было. Приступа так и не случилось.

Роберт Ринатович осторожно перевел дыхание. Руки ходили ходуном, мочевого пузырь был переполнен, но он до самого утра так и не нашел в себе сил подняться, выйти из комнаты.

Серый рассвет застал его на том же самом месте, пригвожденным к креслу, как к кресту. Больше всего на свете Роберт Ринатович боялся следующей ночи.

В глубине души он был уверен, что жуткий гость обязательно вернется.

Глава четвертая

Четвертое января. Вечер. Римма

«Сидим как на поминках», – подумала она, нехотя ковыряясь в тарелке. Племянница пожарила говяжьи отбивные с картошкой, и еда была, как обычно, вкусная, потому что готовила она отменно. Правда, сама говядину есть не стала, у нее в тарелке лежал кусок курицы. *Халяль*, наверное, как иначе.

Господи, насколько же все это выматывает, подумалось ей, все эти причуды, эти нелепицы. Один поэт, другая непонятно отчего превратилась в религиозную фанатичку, третья записала себя в неудачницы... Это в двадцать-то шесть лет! Сама она в этом возрасте летала как наскипидаренная, чтобы все успеть. Может, конечно, слишком уж суежилась, но ведь и добились, чего хотела, грех жаловаться.

Римма Ринатовна обычно не страдала от отсутствия аппетита, но давящая атмосфера за столом действовала так, что кусок в горло не лез. Каждый уткнулся в свою тарелку, ушел в свои мысли, будто и нет никого рядом. Обычно худо-бедно общались, пытались быть вежливыми и дружелюбными («*Собаچه какое-то словечко*»!) или хоть подначивали друг друга. Если честно, иронизировала и поддевала родных обычно она сама, хотя и видела, что они с трудом сдерживаются, чтобы не нагрубить в ответ. Ничего, ничего, потерпят. Критика еще никому не вредила.

Однако в последнее время желание тормозить и подзадоривать родственников почти сошло на нет.

«Эта луна... Разве такое возможно?»

– Мясо не передержала? – спросила Регина, заметив, что она ничего не ест.

Вырастила ее, столько сил вложила, всю жизнь помогала, чем только могла. И сейчас вот – живите сколько хотите, и ты, и Роза. Ни денег никаких с них не берут, на всем готовом...

Но так ясно и безошибочно чувствуется, что племяннице неприятно общество тети! Вроде и придраться не к чему – вежливая, улыбается, о здоровье спрашивает, готовит на всех, дом в чистоте держит. Но все как за стеклом. Кажется, случись что, не дозовешься, не докричишься. Минтай свежемороженный, а не женщина. Когда она такой стала? Или, может, всегда была, просто Римма Ринатовна внимания не обращала?

Иногда хотелось подойти к племяннице, растормозить, обнять, поговорить о чем-то отвлеченном, не затрагивая болезненных тем. Может, та и рассказала бы что-то, от чего на душе у обеих полегчает. Хоть объяснила бы по-человечески, зачем ее теперь нужно звать Румией, если всю жизнь прожила Региной. Так нет же, перед фактом поставила: мусульманкой стала, имя сменила, примите и распишитесь.

Откровенного разговора не получалось. В былые годы Римме Ринатовне самой было некогда выслушивать чужие жалобы и вытирать сопли. А теперь вот времени полно, его даже слишком много, но быть близкими друг другу они уже разучились. Поздно начинать. Вот и лезли с языка привычные колкости. Но не сегодня, конечно, не сегодня...

– Нормальное мясо. Просто есть не хочется, – ответила она.

И снова молчание. Каждый думал о своем, не замечая остальных.

Роберт, в отличие от сестры, в последнее время ест много, но без разбору. Просто запикивает в рот, не думая. Кажется, подсунь ему в тарелку сено – схомячит, не поморщится. А мысли где-то далеко. Скажешь что-нибудь громче обычного – вздрагивает, сжимается весь, как ребенок, которого родители лупят почем зря.

Они с братом были ровесниками, двойняшками, Римма на три минуты младше. При этом отличались так, что их едва можно принять за родственников. В детстве были не похожи, а уж к старости и вовсе. Только рост примерно одинаковый – не слишком высокий. Но и это услов-

ное сходство с годами пропало. Римма распрямила плечи и вытянулась, а Роберт съежился, сгорбился и стал казаться ниже сестры.

В последние годы он думал и говорил о себе, как о старике, да и казался всем именно стариком. А вот ее вряд ли у кого язык повернется назвать старухой. Подтянутая (каждый день на беговой дорожке, плюс комплекс упражнений для осанки, плюс пятьдесят приседаний), с безупречным маникюром и прической, она не выходила из комнаты, если не была одета и аккуратно, неброско подкрашена. Никаких халатов, старомодной химической завивки, расшарканных тапочек – боже упаси! Римма Ринатовна гордилась тем, что никто и никогда не мог заставить ее врасплох, не одетой, непричесанной распустехой.

Чувства свои и мысли она тоже держала под контролем, и никто не мог...

«Никто? Не мог?»

Она снова вспомнила прошлую ночь и подумала, что врет себе. За пару – тройку дней это превратилось в привычку.

– А я бы мороженого съела. Есть у нас? – Голос Розы прозвучал резко, как пощечина.

– Мороженого? – с несвойственной ей растерянностью переспросила Римма Ринатовна.

– Да! Ты ведь в курсе, что это?

– Незачем мне грубить. Между прочим...

– Знаю. Мы все находимся в твоём доме и едим твою еду. Осточертели уже и еда, и попреки. Свалила бы из этого склепа, да не получается!

– А ну, хватит! – громко, но вяло, без особого вдохновения произнесла Регина. – Замолчи сейчас же.

«А чего молчать, – пронеслось в голове у Риммы Ринатовны. – Все мы хотим именно этого». Но спускать дерзости, конечно, нельзя. Она открыла было рот, чтобы дать отповедь противной девчонке, но в этот момент кто-то громко постучал во входную дверь.

Сидящие за столом замерли. Роберт уронил вилку, и она свалилась ему на колени вместе с куском картошки. Он и не подумал подобрать ее, не обратил внимания, что заляпал подливкой брюки. Регина совсем застыла, вытянувшись в струнку, лицо сделалось творожно-белым, и старый детский шрам возле правой брови вдруг стал заметнее. Казалось, она вот-вот грохнется в обморок.

С Розы слетела вся ее независимость, на лице застыло беспомощное, испуганное выражение. Она была похожа на ребенка, который темной ночью увидел в углу комнаты буку и замер, не в силах от страха позвать на помощь. Римма Ринатовна позабыла, что собиралась строго отчитать ее. «Что происходит? Наверное, это просто соседи», – хотела она сказать, но язык не слушался. Горло казалось странно сухим, и ей показалось, что если она произнесет что-то, то звук ее голоса будет похож на воронье карканье.

Она всегда гордилась своей целеустремленностью, своим напором и бесстрашием, но сейчас хотелось сидеть вот так, тихонько, словно мышка, и пусть бы тот, кто пришел к ним этим вечером, подумал, что никого нет дома. Подумал, постучал еще раз для очистки совести, пожал плечами, да и убрался восвояси.

– Жалко, что свет горит!

Эти слова так точно выражали ее собственные мысли, что Римме Ринатовне показалось, будто она сама их произнесла. Однако они принадлежали Розе, которая шепотом продолжила:

– Если бы было темно, он подумал бы, что нас нет, и ушел!

Господи, да сколько можно? Что за наваждение такое? Обычный вечер праздничной новогодней недели – только вот телевизор не работает. А так... Люди отдыхают, ходят друг к другу в гости, едят и пьют больше обычного. Наверное, соседи зашли за чем-то, вот и все!

– Бред какой! – откашлявшись, с силой произнесла Римма Ринатовна, главным образом, чтобы придать уверенности самой себе. Убедить себя саму. Брат зыркнул на нее, еще больше

сьежился, и она поняла: он ненавидит ее за то, что произнесла эту фразу слишком громко. Настолько громко, что стоящий за дверью может услышать.

(Ведь эта луна... Ты не решила еще, как быть с луной?..)

Она отшвырнула салфетку, которую, оказывается, комкала в руке, и встала.

– Вы как во время бомбежки! С чего такая паника? Это всего лишь соседи!

Римма Ринатовна поправила платье, вздернула подбородок и решительно двинулась к выходу.

– Римма! Стой! – придушенным голосом окликнул ее брат.

Женщина оглянулась.

Прошлой ночью ей совсем не спалось. Легла, как обычно, поздно – завела на пенсии такую привычку. Вечерами смотрела телевизор, сколько хотела, но чаще, конечно, читала.

А уж перед тем, как уснуть, брала книгу в руки непременно. Так и не привыкла к электронным ридерам, повторяла, что читать с экрана – это как лизать сахар через стекло. Сама придумала или услышала где-то?..

Обычно она читала одновременно три книги. Во-первых, что-то серьезное, то, на что в прежние годы не хватило времени. Чаще из русской классики – нужно тренировать не только тело, но и мозги. Не дай бог впасть в старческое слабоумие! Вторая книга – произведение любимого автора, вроде «Унесенных ветром» или рассказов Михаила Зощенко. Это для души, то, что можно было перечитывать бесконечно, зная почти наизусть. Книга номер три – новинка, чтобы быть в курсе современных тенденций. Тут попадались интересные вещи, которые не зря оказывались в списках бестселлеров, однако встречалась и откровенная туфта, которую она без сожаления отдавала Раечке.

Рая жила в деревне, неподалеку от их коттеджного поселка, и раз в неделю приходила делать генеральную уборку. После Рождества, кстати, должна прийти.

Римма Ринатовна удобно устраивалась в постели, протягивала руку и брала с прикроватной тумбочки одну из трех книг. Мягкий шелест страниц успокаивал, убаюкивал. Частенько бывало, что прочитанное ночью приходилось перечитывать утром. Читала до тех пор, пока глаза не начинали слипаться, а потом быстро проваливалась в сон. И просыпалась уже утром, около восьми. Римма Ринатовна была из тех счастливчиков, что никогда не просыпались среди ночи. Сон ее был крепок и глубок.

(Если, конечно, не считать последних ночей).

С тех пор, как отошла от дел, продала бизнес и жила на проценты от выгодно вложенных немалых средств, она привыкла именно так заканчивать каждый свой день. Это стало ритуалом, который не нарушали ни болезни, ни проблемы – свои или чужие, ни праздники. Так было всегда, но в наступившем году все изменилось.

В общем-то, в последний раз она нормально спала в новогоднюю ночь. Признаться, Римма Ринатовна не помнила, как ложилась, но уж если проснулась в кровати, одетая в пижаму, то, видимо, легла, как обычно. Возможно, слишком устала накануне или выпила немного лишнего... По молодости такое случалось – довольно редко, но бывало. После пятидесяти она не позволяла себе злоупотреблений, даже курить бросила, хотя дымила с институтских лет по пачке в день.

Но, похоже, правил без исключений и в самом деле не существует.

Итак, она перепила и на автопилоте добралась до постели. В этом факте, если оставить в стороне рассуждения о морали, не было ничего такого, что из ряда вон. С кем не бывает. Плохо было то, что она не помнила новогодней ночи. Вообще.

А вот как раз это было крайне необычно. Для кого угодно – и уж тем более для человека, который с десяти лет ведет дневник и записывает туда важные события, четко фиксирует свои доходы и расходы, составляет план дел на месяц вперед.

Она ясно помнила, как надевала свой любимый комплект украшений, как усмехнулась, представив, что появится в гостиной в полном блеске. Римма Ринатовна словно воочию увидела лицо Розы, перекошенное от зависти, которую девчонка пыталась прятать за вежливой улыбкой. Ох, как дико хотелось милой малышке, чтобы свершилась долгожданная справедливость: пусть бы противную старуху прямо на пороге поразил гром, и она убралась-таки на тот свет, оставив свои деньги, дорогущую машину, недвижимость и, разумеется, украшения тем, кому они нужнее. Кто сумеет найти всему этому лучшее применение...

– Придется потерпеть, детка! – проворковала Римма Ринатовна. – Я никуда не тороплюсь!

Конечно, спроси кто у Розы, любит ли она внучатую бабу, та ответит утвердительно – и в известной степени не покривит душой. И отшатнется от каждого, кто упрекнет ее в желании отправить тетю Римму на тот свет. Просто, видимо, такова жизнь: молодым хочется поскорее заграбастать то, что когда-нибудь останется им в наследство. Пусть старушка живет – на здоровье – что ж мы, нелюди какие, что ли! Но, бог ты мой, как же хочется заполучить денежки, которые старой вешалке и тратить-то уже некуда!..

Итак, она помнила, как одевалась, как причесывалась. Фен в последнее время заедало, и она с досадой потрясла его, подумала, что после праздников надо будет поехать и купить новый. В итоге фен включился, и ей удалось уложить волосы. Она побрызгалась любимыми духами, подкрасила губы – всегда делала это в последний момент, перед тем как выйти из комнаты, и...

И ничего особенного. Прошла по коридору, спустилась по лестнице. На первом этаже витали запахи разносолов, приготовленных Региной. Римма Ринатовна предложила было заказать все в каком-нибудь хорошем ресторане – зачем надрываться у плиты? Но племянница отказалась: дескать, это семейный праздник, в еде должны чувствоваться любовь и тепло рук того, кто готовил. Выражение лица у нее при этом было исполнено такой снисходительной мудрости, что захотелось дать ей пинка под зад.

Откуда Регина набралась этой пошлости – уму непостижимо! Весь западный мир питается в ресторанах – всем хватает и любви, и тепла. Главное, чтобы было качественно и вкусно. И потом, это у них-то в семье любовь?!

Но хочет – пусть готовит. Если ей в радость, никто не против.

Римма Ринатовна вошла в гостиную. Там сверкала огнями огромная натуральная елка. Стол, который она по такому случаю решила накрыть здесь, был уже наполовину сервирован. На секунду сердце ее кольнуло сожаление: как же не хватает настоящего, искреннего веселья, детского смеха, шалостей каких-нибудь, беготни! И пусть бы кто-то из малышек опрокинул стул, разлил лимонад, перепачкался шоколадом.

Как же все чинно, скучно, по расписанию. В последнее время она часто ловила себя на мысли, что жалеет о своем одиночестве. В молодости и потом, в зрелые годы, оно никогда не казалось ей горьким и тягостным. Дел было по горло, забот хватало. И потом, она смотрела, как глупо сложилась жизнь брата, которому семейный очаг не принес счастья, как далеки они с единственной дочерью. Видела, как Регина бьется, поднимая без мужа дочь, и как эта самая дочь с трудом выносит свою мать...

Видела и вздыхала с облегчением: уж лучше одной. А сейчас почему-то пришла уверенность, что она жестоко ошиблась. Сознание непоправимой ошибки жгло душу. У нее ведь все могло сложиться хорошо и правильно – она-то, в отличие от брата и племянницы, имела трезвую голову и всегда умела устраивать свою жизнь. И семейную жизнь смогла бы наладить.

А теперь вот только и остается любоваться на *этих*. В злую минуту она мысленно так их и называла, обобщенно, «этими». Вроде бы и по-своему привязана к родным, и любить их привыкла, но недавно поняла, что не лежит ни к кому из них душа. Не хочется спускаться вниз

поутру и видеть их скучные лица. Не тянет делиться ничем сокровенным, обсуждать то, что кажется важным. Что они могут понимать? Что знают о ее жизни?

Вероятнее всего, и они относились к ней так же. Не только Роза с тайным нетерпением ждала ее смерти. Роберту и Регине она тоже поперек горла. Желание вышвырнуть их всех, как безродных котят, на улицу, на секунду стало таким жгучим, что она сама испугалась. Пусть бы катились куда подальше и не попадались на глаза.

Она откашлялась, слегка потрясла головой, чтобы прогнать этот морок, и сделала еще один шаг вперед.

Брат в вельветовом костюме, который она купила ему этой осенью, сидел в кресле и смотрел телевизор: там шло одно из новогодних шоу. Они все казались Римме Ринатовне абсолютно одинаковыми: ярко, шумно, многолюдно, но уныло.

Хотя сейчас она согласилась бы и на это. Однако теперь черная плазма – огромное, в полстены, окно в мир, умерла. Перестала работать – кто ее разберет, почему. Не было Интернета, ни у кого из них не работали мобильные телефоны – но тут ничего необычного, со связью постоянно были перебои. Может, стоило послушать Розу и провести городской телефон... Ладно, после каникул она так и сделает.

Роза и Регина вошли в гостиную чуть позже. Платье на девушке было кроваво-красного цвета и едва прикрывало задницу. Кого она надеялась соблазнить? Несмотря на бравату, вид у нее был, как у брошенной собачонки, и Римме Ринатовне стало жаль беднягу. Пропало даже желание позлорадствовать, при виде того, как вспыхнули глаза у девчонки при виде теткинх сапфиров.

Регина напялила мусульманский наряд. Надо признаться, он был куда красивее Розиной безвкусной тряпки, но в груди Риммы Ринатовны заворочалось привычное раздражение. Откуда вдруг все это? Кто ее надоумил?

Женщина бросила взгляд на часы. Восемнадцать ноль четыре.

Все. Именно на этой цифре время остановилось для нее. Дальше она ничего не помнила. Хотя к этому моменту не сделала ни глотка спиртного...

– Римма! – повторил Роберт. – Не ходи. Мало ли кто это? Уже поздно.

Она замерла возле двери. Трое сидящих за столом глядели на нее, как перепуганные двоечники на строгую учительницу.

– Кто там? – отрывисто и требовательно спросила она. – Роберт? Ты знаешь, кто пришел?

Он моргнул и посмотрел на дочь. Та не ответила на его взгляд.

– Нет, конечно. Откуда? Я просто...

– Тогда прекрати дергаться.

Испугавшись, что может переменить решение, она отвернулась от них и вышла из столовой. Теперь нужно было миновать просторный холл.

Включить свет или не надо?

Может, подкрасться тихонько, на цыпочках, глянуть в глазок. И не открывать двери, если не захочется впускать того, кто на пороге...

Но ведь посетитель мог обойти дом, прежде чем постучать, верно? Если так, то он видел, что в кухне и столовой горит свет. Он мог попытаться заглянуть в окна. Какое счастье, что к вечеру они задергивали плотные шторы на окнах первого этажа!

Мысль, которая вслед за этим пришла в голову, была настолько ошеломительной, что Римме Ринатовне показалось, будто ее сунули головой в ледяную воду. Как она могла не подумать об этом раньше?

А ведь мысль была, в сущности, очень простой. Каким образом кто-то из соседей (*А это могли быть только соседи, так ведь? Только они!*) сумел постучать в дверь, миновав входные ворота?

Дом был обнесен кирпичным забором высотой в два метра. Ворота – железные, прочные, снабженные надежным запором – летом устанавливала бригада рабочих. Они же провели и звонок, который при нажатии на него взрывался залиистой трелью.

Но тот, кто стоял сейчас за дверью, в нескольких шагах от Риммы Ринатовны, не захотел им воспользоваться. Таинственный посетитель сумел каким-то образом перебраться через забор и встал под дверью.

Как он это сделал?

Или лучше следовало бы спросить – зачем?

Глава пятая

Шестое января. Ночь. Роза

Полная луна тупо уставилась на нее с ясного неба – низкая, бесстыдно обнаженная, не прикрытая призрачной облачной завесой. К ночи облака расходились, и ее сумасшедший свет заливал всю округу уже несколько ночей подряд, просачивался даже сквозь темные шторы. Роза плотно задергивала их, но все равно знала, что там, за ними, круглый желтый глаз смотрит в ее окошко.

Разве может полнолуние длиться почти неделю? Этот вопрос не давал ей покоя, но задать его кому-то из родных она не решалась. В последнее время они сидели в своих комнатах, как в норах, спрятавшись друг от друга. После того вечера, когда кто-то постучался к ним в дверь во время ужина, все вокруг неуловимо изменилось.

Услышав стук, она жутко испугалась. Ладони похолодели, стало трудно дышать. «Это он!» – мысль была страшной, и ей показалось, что она вот-вот потеряет сознание от ужаса.

За дверью мог быть кто угодно, но она почему-то была уверена, что это именно тот самый человек.

Какой надо быть душой, чтобы доверять ему! Кто он ей? Что она вообще о нем знает? Фактически, первый встречный. Оказался рядом в злую, тяжкую минуту, и ей почему-то показалось, что он всё понимает, жалеет ее, может помочь справиться с бедой. Противно, невыносимо вспоминать, как она плакала пьяными слезами у него на плече и жаловалась на свое несчастье. А после, уже много позже, просила обо всем забыть, ничего не предпринимать; убеждала, что была не в себе и порола чушь.

Уговаривала и умоляла, но он не делал попытки ее успокоить. Только смотрел своими прозрачными, почти белыми глазами и усмехался, а в улыбке сквозило брезгливое понимание.

Забыть, забыть!

Поздно вечером, когда мать закончила надраивать кухню, Роза по обыкновению спустилась тихонько вниз, взяла в баре бутылку вина. Тетка или мать, конечно, обнаружат пропажу. Ну и шут с ними. Ей необходимо было выпить, чтобы заснуть. Правда, это оказалось бесполезно. Заснуть не удавалось, она почти не спала уже несколько ночей и не понимала, как ей хватает сил таскать ноги.

Зачем тому человеку приходить сюда? Только затем, чтобы все рассказать. Но если это случится, она потеряет все, абсолютно все!

Роза сидела за столом и тряслась от страха быть разоблаченной. Тетя Римма пошла открывать, и она ждала, что сейчас та вернется в столовую, а следом за ней будет идти он, ее мучитель.

Девушка была настолько поглощена своими мыслями и страхами, что только потом, когда тетка вернулась одна, осознала, что боялась не только она. И дед, и мать, и даже железобетонная тетя Римма, монстр со стальными нервами, все они перепугались, как несмышленные дети, оказавшиеся одни в темном лесу. Этот страх, словно ржа, разъедал их изнутри, и знакомые лица, казалось, оплывали, теряли краски и очертания.

Им-то чего было бояться? Кого?

Тетя Римма вернулась и сказала, что за дверью никого не было.

– Ты что, открыла ее? – спросил дед.

– Разумеется, – досадливо бросила тетка. – Я спросила, кто там. Несколько раз. А когда мне никто не ответил, открыла дверь и выглянула.

– И что там было? На улице?

– Я же сказала, никого. Кто бы ни колотил в дверь, он ушел.

– А следы? – неожиданно вступила мать.

– Что ты имеешь в виду? – резко спросила тетя Римма. Но по виду ее несложно было догадаться: она прекрасно поняла, что именно.

– Куда вели следы? – тихо спросила мать. – Они ведь там были? Так куда же?

Тетка молчала. Потом подняла руку и принялась теревить цепочки на груди. Она обычно надевала их не меньше двух за раз. Роза когда-то пыталась, ориентируясь по узору плетения, подсчитать, сколько всего цепочек у тети Риммы, но потом сбилась и бросила это занятие.

Наконец тетка ответила, что не заметила, куда вели следы, и уселась за стол.

– Можно пойти посмотреть, – предложила мать, но ее никто не поддержал. Более того, дед попытался быстро сменить тему, как будто она заговорила о чем-то неприличном, а тетка принялась яростно орудовать ножом и вилок.

Так и не пошли смотреть. Никто не пошел, и Роза тоже. Если вдуматься, этот вечерний визит был загадочным, а уж реакция дорогих родственников и того хуже, но обо всем об этом Роза задумалась гораздо позже, когда сидела в своей комнате одна и допивала вино. А до этого в голове крутились только мысли о нем, о своей ошибке.

Она не только рассказала всё этому человеку, не только доверила самое сокровенное. Они составили вместе план. Вернее, он всё придумал, а она с готовностью согласилась. Согласилась! Это казалось теперь чудовищным, невообразимым, но она сказала «да». И вынашивала этот план, ее мозги были беременны этими мыслями. Вернее, они были подобны гнойнику, который мог прорваться, только если бы им все удалось...

Однако потом она одумалась, испугалась. Испугалась и отказалась от всего. А отказался ли он? Вот в чем вопрос. Или, может, он теперь будет шантажировать ее – не этого ли она испугалась, когда услышала стук в дверь?

Как бы то ни было, это был не он, не светлоглазый демон.

Этот колокол звонил не по ней.

И все-таки, чего же так испугались остальные?

«Во всякой избушке свои погремушки», – подумала Роза. Она лежала на своей кровати, которая все так же стояла напротив зашторенного окна. Каждую утро девушка собиралась попросить мать или деда помочь ей передвинуть кровать, но утром все казалось глупым, да к тому же слишком сложным. Тогда пришлось бы двигать всю мебель.

А потом, какая разница, где стоит кровать, если уснуть все равно не получается?

Роза обычно засыпала с вечера, под влиянием алкоголя. Но спустя часа три-четыре просыпалась, чтобы больше уже не заснуть. «С каждым днем время сна все короче, – подумала девушка. – Я сплю все меньше».

После новогодней ночи у нее вошло в привычку воровать бутылочку вина в баре или пару банок пива в холодильнике. Поначалу было немножко стыдно, но потом Роза привыкла. Тетку Римму это явно не разорит. Если мать и замечала уменьшающееся количество выпивки, то молчала.

Роза притаскивала спиртное к себе и выпивала, сидя за туалетным столиком или в кресле, потом перебиралась в кровать и проваливалась в сон. А спустя некоторое время (все более короткое каждый раз) просыпалась с мутной, тяжелой, иногда звенящей от боли головой. Глотала пилюли и вертелась в кровати, ожидая, когда же наступит утро и можно будет встать и заправить постель.

«Завтра Рождество», – подумала она.

Точнее, уже сегодня. Роза внезапно поняла, что вот-вот заплачет. Они с Ромой познакомились как раз в Рождество. Три года прошло, а ей все так же больно.

– Дура! Ты тупая дура! – орал он, вколачивал оскорбительные слова одно за другим в ее бедную голову, как ржавые гвозди. – Пошла вон отсюда! И чтобы я больше тебя не видел! Иди, проспись!

Сколько ни пей, такого не забудешь. Что ее дернуло пойти к нему? Пойти и умолять все исправить. Поначалу, конечно, Роза хотела просто прийти и...

И что? Господи, на что она надеялась? Как можно было всерьез думать, что он одумается, разведется, бросит беременную жену и вернется к ней?

«Разве он когда-нибудь любил?» – спросила она себя и все же заплакала. Слезы текли по щекам горячими ручьями.

Роза умирала. И тогда, и сейчас, вспоминая об этом, она чувствовала, что умирает. Прошло полгода с тех пор, как он выгнал ее. Ей не хотелось жить, но вместе с тем хотелось доказать Роме, как он ошибся. В мечтах (точнее, в пьяных грезах, если уж быть честной!) она видела себя успешной, богатой и крутой, а Ромка, гнусный предатель Ромка, стоял и смотрел на нее голодными собачьими глазами.

Потом появился светлоглазый демон, и возник план...

А потом она отказалась от плана, и все стало еще хуже.

В конце декабря на пороге ее съемной квартиры появилась мать. Роза до сих пор с содроганием вспоминала их разговор. И зачем она позволила уговорить себя отказаться от квартиры и переехать пожить к тетке? Теперь вот и вернуться некуда...

Однажды, кажется, это было в ноябре... или декабре... матери удалось затащить ее в мечеть. Роза не была религиозной и никогда не верила в ту чушь, в которую с головой окунулась в последнее время ее мамаша. Просто Роза была слишком слаба, слишком сломлена, чтобы сопротивляться. Работу она к тому времени уже бросила: поняла, что еще немного, и она переколотит сверкающие витрины или, того хуже, покалечит одну из безмозглых клиенток, которая никак не может решить, какие духи ей выбрать, какой оттенок помады будет лучше смотреться.

Роза уволилась из косметического супермаркета, куда в свое время устроилась с большим трудом, пройдя по конкурсу и надеясь со временем сделать неплохую карьеру. Возможно, ей и удалось бы, но теперь эти устремления казались ничего не значащими и глупыми. Роза перестала ходить в магазин, целыми днями валялась на диване и проедала последние деньги.

Мать возникла на пороге рано утром, замотанная в свои длиннополые одеяния и платок. Ни слова не говоря, чуть не за волосы выволокла дочь из постели, сунула под душ, одела и потащила в мечеть.

– Туда вроде женщинам нельзя, – заметила Роза, когда они поднимались по каменным степеням. Белокаменная мечеть с зеленым минаретом высилась неподалеку от центрального рынка. Можно было пойти и куда поближе: в спальном районе, где Роза снимала жилье, было несколько мечетей, да и вообще в Казани их построено немало. Но мать любила именно эту, старейшую в городе, стоящую на углу одной из центральных улиц. Мулла, которого она считала своим духовным наставником, работал (или как это называется у священнослужителей?) именно здесь.

– Время идет, правила меняются, – процедила мать. – Рамиль-хазрат примет тебя, он уже ждет. Сделай одолжение, води себя прилично.

– Вообще-то я не просила тащить меня сюда, – вяло, вполсилы отбивалась Роза. В сущности, ей было все равно, куда идти и что делать. Лишь бы все побыстрее закончилось и ей можно было вернуться домой.

Рамиль-хазрат оказался мужчиной лет шестидесяти или чуть больше, с аккуратной полукруглой бородкой. На нем было белое одеяние, на голове – зеленая тюбетейка.

– *Исэнмесэз!* – поздоровалась мать.

Она не знала татарского, но старательно учила и, по ее словам, делала успехи. Роза тоже не говорила на этом языке, могла только поздороваться-попрощаться да сказать «спасибо». Вся семья их была обрусевшей и, как часто в последнее время говорила мать, оторванной от корней.

Римма Ринатовна и Роберт Ринатович Нагимовы татарского языка не знали, потому что их отец-татарин, фронтовик, подорвавший на войне здоровье, умер, когда детям было по двенадцать лет, а мать была русской и научить сына и дочь языку отца не могла. Роберт тоже женился на русской женщине, Марии, так что кровь, что текла в жилах Регины-Румии, была татарской лишь на четверть. Поэтому все эти ее разговоры о корнях казались Розе нелепыми.

Мулла ответил на приветствие и улыбнулся. Улыбка его против воли понравилась Розе. Она была доброжелательной и искренней. Почему-то захотелось подойти к этому человеку и рассказать о том, что давно мучает. Девушка разозлилась на себя за этот внезапный порыв и грубовато, с вызовом сказала:

– Добрый день. Я по-татарски не говорю.

– Ничего страшного, – снова улыбнулся Рамиль-хазрат. – Думаю, мы с вами сможем понять друг друга.

Он говорил без малейшего акцента.

Потом мать ушла, оставила их вдвоем, и следующий час Роза рассказывала своему собеседнику, как Ленка пригласила ее на вечеринку, где она познакомилась с Ромой, вываливала все подробности их романа, то, как они сходились и расходилась раз сто, пока однажды не расстались окончательно. Захлебываясь слезами, Роза говорила, что сама бросила его, когда узнала, что Роман ей изменил. Он после приходил, говорил, что виноват и хочет помириться.

– Почему же ты его не простила? – спросил мулла.

– Простила! – выкрикнула Роза. – Я его сразу простила, просто...

Просто ей хотелось раз и навсегда отвалить Рому ходить налево. Проучить. Мать все время внушала ей понятия о верности, натаскивала, как собаку Павлова. Вот Роза и попыталась. И потом, была еще Ленка со своими советами.

– Один раз простишь, привыкнет и будет ноги об тебя вытирать! – говорила она.

И это было справедливо.

Правда, потом та же Ленка утверждала, что нечего было мужика мариновать, потому что такие, как Роман – красивые, неглупые и при бабках, – на дороге не валяются. И это тоже было справедливо.

Ее Ромочку подобрали быстро. Меньше чем через месяц он устал извиняться перед Розой, а еще через четыре женился на той самой девице, с которой изменил ей.

Женился! Рома женился! Эта новость буквально свела Розу с ума. Она не ожидала, что любимый так быстро откажется от нее, да еще и заделается примерным мужем – это Ромка-то, который утверждал, что не создан для брака. Оказалось, очень даже создан.

Роза ненавидела весь мир, а больше всех – Ленку, которая так убедительно советовала «помариновать» Рому, и себя саму – за то, что послушала.

Ведь Ленка попросту завидовала – конечно, завидовала! Как Роза сразу не поняла! Самые долгие Ленкины отношения длились три месяца, ей никогда не удавалось удержать возле себя парня. Подруга – стрелять надо таких подруг! – обычно приходила вечером, после работы в кафе, где она была администратором, усаживалась на кухонный табурет, причем половина задницы свисала с краев, и начинала жужжать. Зачем Роза слушала, зачем вообще терпела ее занудство, ее вечные вонючие сигареты и идиотские рассуждения?

Но, так или иначе, Роза слушала. И не прощала Рому, хотя видела ведь, видела, что звонки становятся реже, смс и сообщения в других мессенджерах – прохладнее, а голос его звучит все равнодушнее.

Выговорившись, девушка замолчала. Никто и никогда не слушал ее так терпеливо, и это было уже кое-что. Но больше Рамиль-хазрат ничем не мог помочь. Она ждала, что мулла скажет, как ей жить дальше, но он не мог. Сам для себя он, наверное, все на свете знал, но для Розы у него не было ничего, кроме доброй открытой улыбки, затверженных наизусть строк и прописных истин. А ей этого было мало.

Роза поняла это и пожалела о своей откровенности. Хазрат бормотал молитву над ее головой, говорил какие-то правильные слова, звал приходить еще раз, но она не чувствовала ничего, кроме усталости и разочарования.

– Я пойду, – сказала она невпопад, перебив его на полуслове. – Ваш Бог слишком высоко, он меня не слышит. Ему вообще не до меня.

Роза вышла из мечети и больше туда не возвращалась. И забыла об этом дне – только сейчас почему-то вспомнила.

Уже три часа ночи. Она вертелась с боку на бок, сбивая простыни на кровати. В комнате была темень, но она не включала ночника. И не потому, что надеялась заснуть, просто почему-то ей не хотелось, чтобы кто-то знал: она не спит. Кто мог это знать? Весь коттеджный поселок давно погрузился в глубокий сон.

Участки здесь большие, от десяти соток и более. Место красивое, рядом речка и лес – все условия для тех, кто может себе позволить. Каждый отгородился от соседей высоченным забором и наслаждается жизнью, скрытый от чужих любопытных глаз. Правда, домов пока маловато, поселок новый, только-только начал застраиваться. Но даже если предположить, что кто-то из здешних богатеньких буратин не спит, зачем ему бродить в темноте по дорогам и глядеть на ее окна? Кому может быть интересно, спит она или нет?

«А если это не житель «Рябинки», а...» – Роза скрипнула зубами, решительно отгоняя непрошеную мысль.

«Рябинка» – что за глупое название? В округе нет ни одной рябины, насколько ей известно. Наверное, их вырубили, чтобы построить дома. Уничтожили, а после назвали поселок в честь мертвых, погибших деревьев.

Роза повернулась на бок, уставилась в стену. Там стоял шкаф, но сейчас его почти не было видно, только чернота была чуть гуще, чем везде. Зрение у девушки было минут полтора, но очков она не носила. Хотя сейчас любой на ее месте почти ничего не смог бы разглядеть.

Она не видит, но кто-то... Тот, кто смотрит на ее окна, кто наблюдает за ней, от кого ничего не скрыть... Он стоит сейчас на тихой заснеженной дороге, запрокинув голову, и видит сквозь каменные стены, толстый стеклопакет и плотные шторы. Роза надеялась обмануть его, не включая света, но это невозможно. Его нельзя ввести в заблуждение, он отчетливо видит своим особым зрением. Ясно видит ее, скорчившуюся в смятой постели; она как глупая улитка в своей тесной раковине, а он усмехается и ждет. Он терпелив...

«Однажды он уже приходил – ты ведь знала, что он приходил к тебе, не так ли? А вот теперь вернулся и будет приходить снова и снова, снова и снова, пока не заберет тебя с собой!»

Голос в ее голове прозвучал так отчетливо и настолько явно принадлежал не ей, что на секунду Розе показалось, будто кто-то произнес эти слова вслух. Девушка тихонько ахнула и прошептала, не успев задуматься о полнейшей бессмысленности своего вопроса:

– Кто здесь?

Разумеется, ответа не последовало. Она поджала под себя ноги и попыталась выровнять дыхание. «Спокойно, спокойно... Все хорошо, все хорошо», – Роза уговаривала себя, пока не почувствовала, что потихоньку расслабляется, успокаивается.

А потом вдруг рывком сбросила одеяло и села в постели. Хватит! Так не может продолжаться! Может быть, она сходит с ума? Почему она вообще думает об этом? Не надевая тапочек, девушка быстро пересекла комнату и подошла к окну. Секунду поколебавшись, решительно раздвинула шторы. Лунный свет, который в стихах называют серебристым, хлынул в комнату.

Дом тети Риммы стоял почти с самого края поселка. Из окна Розиной комнаты был виден один недостроенный коттедж с правой стороны, а впереди и левее была широкая полоса незастроенной, никому пока не принадлежавшей земли. Дальше, за границей поселка, чернел лес.

Разумеется, ни одной живой души. Роза перевела дыхание. Все, можно возвращаться в постель. Однако она медлила, стояла и глядела в окно.

А потом...

Потом ей вдруг взбрело в голову заглянуть вниз и попробовать, разглядеть, что там, внизу, под самыми окнами. Она оперлась обеими руками о подоконник, подтянулась повыше, прижалась носом к стеклу.

Возле стены стоял человек. Она видела его совершенно отчетливо в свете луны. На нем было надето что-то темное, лицо ночного гостя скрывалось в тени капюшона.

Первое, что почувствовала девушка, увидев стоящую во дворе фигуру, было совершенно неуместное и нелепое в этой ситуации чувство торжества. Всё-таки она оказалась права: за окном действительно кто-то был, ей не почудилось. Потом в голову пришло сравнение с монахом.

Фиксируя детали, пытаясь делать выводы, мозг словно бы из последних сил пытался удержаться на грани ясного сознания, балансируя на тонкой ниточке, за которой начиналось безумие. Но тут человек, до этой поры стоявший совершенно неподвижно, резко вскинул голову, подаваясь вперед – к Розе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.